

ЦИФРОВЫЕ АГРОГОРОДА И ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НЕОИНДУСТРИАЛИЗМА

Некрасов Станислав Николаевич, доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»

г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта 42, Россия

Аннотация. В XX в. была найдена тенденция развития человеческого поселения, соответствующего будущей социалистической системе: «город-сад». Поскольку деревня древности составляла тезис, город явился антитезисом, то неоиндустриальный город-сад как деревня-город оказался историческим синтезом города и деревни. Жизнь в агрогородах делает обмен сил человека с природой прозрачными, лишенными элемента стихийности, а потому они позволяют снимать фетишистское покрывало с общественной жизни капиталистического общества. В проекте и реализации «город-сад» заложены два исключаящих смысла: проект вел к социализму, а реализация к капитализму. Во втором смысле он конвертируется в цифровой агрогород как базис цифровой экономики. Город-сад предусматривает рациональное планирование жизни поселений и в корне разрушает стихийный характер их расползания и расширения. Такое развитие требует выращивание ячеек социализма внутри капитализма, то есть требует капитализма. Более того, агрогород в его цифровом варианте вписывается в капиталистическое производство и мелкую частную собственность, при этом не нуждается в крупных монополиях и массовом производстве. В раннем СССР левацкие перегибы в понимании построения социализма путем уничтожения всякой частной собственности, движение в направлении абсолютной коллективизации

привели к возражениям против городов-садов. Накопленный исторический опыт и потребности современной России в ускоренном модернизационном развитии позволяет представить агрогород как остров целого архипелага нового индустриализма. В этом острове будет формироваться новая социальная структура.

Summary. In the twentieth century was found a trend of development of human settlements, the relevant future socialist system: «the garden city». Since the village of antiquity was the thesis, the city was the antithesis, the neoindustrial garden city as a village-city turned out to be a historical synthesis of the city and the village. Life in agro-towns makes the exchange of human forces with nature transparent, devoid of the element of spontaneity, and therefore they allow you to remove the fetishistic veil from the social life of capitalist society. The project and the implementation of the «garden city» laid down two exclusive sense: the project led to socialism, and the implementation of capitalism. In the second sense, it is converted into a digital agro-city as the basis of the digital economy. The garden city provides for the rational planning of the life of the settlements and fundamentally destroys the spontaneous nature of their spread and expansion. Such development requires growing the cells of socialism within capitalism, that is, it requires capitalism. Moreover, the agro-city in its digital version fits into capitalist production and small private property, while not requiring large monopolies and mass production. In the early Soviet Union the leftist excesses in the understanding of the building of socialism by the destruction of any private property, the movement in the direction of absolute collectivization led to the objections of cities-gardens. The accumulated historical experience and the needs of modern Russia in the accelerated modernization development allows us to present the agro-city as an island of the whole archipelago of new industrialism. A new social structure will be formed on this island.

Ключевые слова: «город-сад», новая социальная структура, агрогород, цифровой агрогород, цифровая экономика, деревня-город, товарный фетишизм, левацкие перегибы, новый индустриализм.

Key words: «garden city», new social structure, agro-city, digital agro-city, digital economy, village-city, commodity fetishism, leftist excesses, new industrialism.

В исторической и философской литературе первоначальный город понимается как укрепленный и огороженный стеной пункт, или город-крепость. Точнее, город - это огороженное место, или село, укрепленное валом и рвом (Burg, bourg, borough). Это город-село, который либо сам бург, либо заключал в себе бург, либо прилегал к бургу. Сама этимология слов «город» значит - (огороженное место), «Burger» (горожанин от «бург») и латинских слов «urbs» и castrum, castellum (замок и город). С классовой точки зрения рассмотрения истории в работах историков-марксистов о роли народных низов в истории такой бург был крепостью с вассалами и наемниками, или союза господ, живших в нем. Наблюдаемое преобразование села в город и есть обнесение села стеной. Как полагал Ф. Энгельс, появление стен это такой внешний признак, который совпадает с переходом человечества от дикости и варварства к стадии цивилизации. До сих пор эту концепцию Ф. Энгельса никто не подверг критике, и она в качестве исторически обоснованной используется в истории, культурологии и социальной философии.

Аристотель полагал, что люди собираются в городе для «благородной жизни». Речь в первую очередь идет о греческом полисе: городе-государстве, в котором полной свободой граждан пользовались мужчины-рабовладельцы. Отсюда вытекает аристотелевское определение человека как политического животного (zoon politikon). В греческой и римской культурах город и

государство совпадали в полисе. Греческое «полис» и латинское «civitas» значат одновременно и государство, и город. Город и есть государство, а государство сводится к совокупности города и его окружения. Из аристотелевского понимания свободы можно вывести всю дальнейшую историю освобождения человека от социального неравенства, историю классовой борьбы и революций: здесь прослеживается прямая преемственность всей классической философии от Платона и Аристотеля до Гегеля и Маркса. Недаром либеральный гуру «открытого общества» К.Р. Поппер в двухтомнике «Открытое общество и его враги» проводит линию противников неограниченного либерализма социал-дарвинистского типа от Платона до Маркса.

Однако уже в XX в. была найдена нелиберальная и не буржуазно-демократическая тенденция развития человеческого поселения, соответствующего будущей социалистической системе: так называемый «город-сад». В.В. Маяковский отразил это в стихах «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»:

Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!

Представляется, что этот проект родился в капиталистическом обществе – вначале в Англии - в рамках исканий утопического социализма. В сущности, в этом проекте, несмотря на сбои в первой исторической модели социализма

в виде построения коммуналок и бараков, был намечен социальный идеал. Главное, что тогда была доказана возможность не стихийного возникновения поселков городского типа, но и создания последних по воле их творцов. Общество осознало, что можно строить новые типы поселений и выращивать из них само новое общество и новый тип социальной связи. Социализм впервые в истории осознанно и целенаправленно строится в отличие от всех прочих стихийных антагонистических формаций, которые складываются в ходе столкновений классов, интересов, то есть в крови и грязи. Парадоксально, но в победившем социалистическом обществе в СССР в первую очередь возник реализуемый первыми пятилетками проект агрогородов, который объективно был направлен на реставрацию капитализма. Реализация проекта меняла формы собственности, сам проект ориентировался исключительно на товарное производство, отказ от диктатуры пролетариата, утверждение руководящей и направляющей роли партии, затем деконструкцию системы с руководящей ролью партии и Госпланом, государственной монополией, введение элементов частной собственности и теневой экономики. Позже в 1961 г. Н.С. Хрущев откровенно взял ревизионистский и реставраторский курс, который завершился уничтожением реального социализма в 1991 г.

Через город-сад к городу-селу

Данные психологической науки (работы А.Е. Шерозия, Г. Аммон) касающиеся исследований феномена коллективного бессознательного, показывают, что индивидуальный субъект в своей индивидуальной жизни осознает все то, что составляет для него персональную проблему в использовании орудий. Но он не осознает коллективных источников своих актов и желаний, поскольку они носят социальный и внешний для него

характер, хотя выступают как его личные интимные потребности. Это исторические источники действий человека и они как общественные отношения людей превращаются в потребности и интересы индивидов. Язык людей в системе объективации, опредмечивания и фетишизации вещей и форм образует скрытое, классификаторское видение мира и являет свою неспособность зафиксировать отдельные аспекты реальности. В рамках производственных отношений субъекты опредмечивания и фетишизации осознают различие своих социальных ролей, моменты социальной несправедливости. Но источники этих различий и деформаций для них незримы, а продукты сращения социального и природного воспринимаются фаталистически. Однако социальное бессознательное не определяет все содержание системы фетишизма, ибо в рамках этой системы происходит осознание, возникновение иллюзий, т. е. активное отражение, исследование социальности. Необходимо коллективное познание, коллективное проживание и коллективное преобразование мира. Такое адекватное познание и проживание были невозможны в древности, и сформировалось только в классовом обществе. 90 лет назад Л.А. Велихов писал в своем классическом труде о городском хозяйстве, что «возникновение первых городов теряется в глубокой, доисторической древности. Ясно, однако, что ни в эпоху первобытного коммунизма, ни в эпоху первобытной родовой общины город возникнуть не мог: примитивная техника, отсутствие оседлого земледелия, вечно кочевая и разбойничья жизнь древнейших орд – не допускали длительного скопления людей в одном месте. Наоборот, древнефеодальные отношения и деспотические системы Востока уже дают достаточные экономические и политические предпосылки к образованию городов».[1]

Поскольку «Капитал» К. Маркса может быть прочитан психологически: как изучение циркуляции нерелигиозных мифов товарного фетишизма,

фетишизма собственности, денег, капитала в его обороте, власти, престижа и социальных ролей и, в конечном счете как анализ истории эволюции психологии людей и классов, а это произведение которое обычно читается узко при помощи историко-материалистического метода как описание действительного процесса экономической жизни, образования капитала и создания стоимости: и при этом утрачивается из вида сама жизнь. Сам К. Маркс критически оценивал и процесс реальной жизни и иллюзии, воображение агентов капиталистической экономики, их незнание (бессознательное социального происхождения) собственных общественных отношений и идеологии. А исторически получалось так, что «древняя деревня составляла тезис. Город явился антитезисом. Город-сад заключает в себе *синтез* города и деревни. На протяжении веков город появлялся в различных своих формах как надстройка над технико-экономическими базами сменяющихся эпох. Он исчерпал все возможности и, послужив средоточием человеческой цивилизации, развил наконец все противоречия, свойственные капиталистической системе. В настоящее время капиталистический город отрицает сам себя. Диалектический метод *Маркса* оправдывает себя здесь в полной мере». [2]

В первой трети прошлого столетия исследователи у нас и на Западе размышляли о пути дальнейшего развития производительных сил общества и расселения человечества: «Трудно, конечно, предсказать в деталях, как пойдет дальнейшее развитие событий. Отозвучит ли в пределах социалистической системы город-гигант, как исчерпавший свое назначение, дав место широкому развитию городов-садов? Или же города-сады, по теории *Унвинна*, явятся в ближайшее время лишь городами-спутниками (спутельными городами) вокруг городов-метрополий, как замена безбрежно и стихийно расползающихся пригородов и предместий, как новый и рациональный способ размещения населения крупных городов? Ясно лишь

одно: новый технико-экономический базис в связи с электрификацией дает предпосылку к *слиянию города и деревни*, и в недрах капиталистического общества созрел уже тот образец, которому, повидимому, суждено стать могильщиком капиталистического города в его современном значении.

Над этим поистине проклятым вопросом еще слишком мало думали, и даже в СССР находятся защитники старинной стройки по капиталистической системе, находятся – страшно сказать – последователи многоэтажного дома-казармы, который так долго и так незаслуженно обрекал пролетариат на жизнь в муравейнике. Находятся защитники отмирающей системы жизни, которые пренебрегают голосом лучших специалистов всего мира, не видят того факта, что городу-саду нет перспектив в капиталистическом мире и что только там, где провозглашен принцип сочетания города и деревни, только там, где отменена частная собственность на землю, только там, где принято начало сознательного планирования жизни, только там, где индустриализацию и электрификацию как города, так и деревни решено во что бы то ни стало проводить на деле, город-сад или город-деревня может сделаться не случайным исключением и оазисом, как Лечуорс, но счастливым и давно желанным массовым *фактом*. “Город-село” первобытных народов таким образом возродится в блеске всех культурных приобретений многих тысячелетий». [3]

Агрогорода неоиндустриализма и дефетишизация общественной жизни

История показывает, что синтезом в будущем станет восстановление первоначальной социальной системы «Город-село». Эта система была тезисом начала исторического развития. Антитезисом стало разделение

деревни и города и их социальное противоречие. Понятно, что будущее гармоничное общество в качестве синтетической новой формы жизни «Город-село» прирастать будет агротехнополисами и технопедиаполисами, и возможно, техноандрагополисами, которые и есть воссоздание на новом историческом витке завершения предыстории человечества и начала подлинной истории. В настоящее время, когда история еще началась, складываются перспективные формы нового синтеза – цифровой агрогород. Это новый старт социалистических тенденций в расселении человечества и развитии производительных сил.

Предыдущий старт был в 1902 г.: «В 1902 г. скромный парламентский стенограф в Англии Эбенизер Хоуард, дотоле никому неизвестный, выпустил книгу “Города будущего” (точный перевод: “Города-сады завтрашнего дня”), которой было суждено составить эпоху в вопросах планировки, строительства и жилищном в городах. Названная книга была вскоре переведена на все главные европейские языки, имела широкий успех и повела в нескольких случаях к реализации идеи автора на деле. В разных странах возникли “общества городов-садов”, были выпущены многочисленные исследования по данному типу городов, читались соответствующие лекции, и во вновь созданные согласно планам Хоуарда населенные пункты стекались экскурсии со всего мира. Успеху нового движения сильно способствовал факт быстрого развития вновь построенных городов-садов и ничтожная в них смертность. Идея Хоуарда отчасти соответствовала уже зародившейся в то время тенденции развития населенных пунктов, которая принимала, однако, уродливые формы благодаря господствующей “экономической” системе. Она заключалась в *сочетании положительных сторон как городской, так и деревенской жизни*, при устранении их недостатков. Хоуард так формулирует свою идею: “В городе – отсутствие природы, испорченный воздух, туманы или сушь, отдаленность места работы, дороговизна жизни, трущобы и кабаки, но

зато развитая интеллектуальная и общественная жизнь, высокая заработная плата, обилие развлечений, роскошные здания-дворцы и хорошо освещенные улицы”; в деревне – “отсутствие общества, работы, развлечений, дренажа, но зато красота природы, яркое солнце, свежий воздух, изобилие воды, низкая рента. В городе-деревне или городе-саде, созданном по сознательному плану, должны быть все достоинства (магниты), но не должно быть ни одного из отличительных дефектов двух противостоящих друг другу типов поселений”»[4].

Жизнь в агрополисах, обладающих функцией полного управления природными (сельское хозяйство) и социальными (самоуправление и воспитание) процессами, делает обращение сущностных сил человека в таком обществе и обмен сил человека с природой прозрачными, лишенными элемента стихийности. Иначе говоря, агрогорода позволяют снимать фетишистское покрывало с общественной жизни капиталистического общества. И для этого не нужна классическая социалистическая пролетарская революция. Социализм вырастает снизу как живое творчество масс.

В ходе изучения феномена фетишизма как единого общего покрывала капиталистического общества и жизни индивидов в нем философы-марксисты к моменту завершения исторического существования социализма в СССР пришли к широкому пониманию этого термина. Выяснилось, что он охватывает все без исключения системы специфической социальной деятельности, и фетишистские идеологии с их генерализированными абстракциями, и иллюзии массового сознания, и предметные образования фетишистских культов современности, и артефакты — объекты фетишизма, ставшие таковыми из внешней логики движения субъектов фетишизма. Разрушение фетишизма и дефетишизация, поэтому, предполагают, как считал еще Д. Лукач, в первую очередь возврат вещных образований на их место в

человеческой картине мира, переход людей от псевдоколлективизма городской жизни к подлинно коллективной жизни [5]. Добавим, что для этого сам человек и его отправления — языковые, властные и другие — должны быть дефетишизированы практически, то есть, говоря словами К. Маркса, люди «эмансипированы», а «экспроприаторы экспропрированы». В широком смысле, полагает Д. Лукач, т. е. в отличие от «фетишизма экономической жизни капиталистического общества», понятие фетишизма охватывает «те возникшие в различных социально-исторических условиях и получившие в общем представлении самостоятельное бытие объективации предметного мира, которые реально ни сами по себе, ни в их отношениях к человеку не имеют самостоятельности» [6].

Ранее он отмечал: «Однако было бы неверно, особенно исходя из предмета нашего исследования, ограничить явление фетишизма экономической жизнью капиталистического общества. Хотя в «Капитале» Маркс рассматривает фетишизм лишь в этом разрезе — правда, в его универсальном значении,— он недвусмысленно указывает на то, что речь идет о свойстве отражения общественной действительности и что его специфически определенная для капиталистической экономики и идеологии форма не отрицает его действия в течение всей истории человечества. С этой точки зрения заслуживает внимания, что в главе о товарном фетишизме Маркс упоминает о родственности такого искажения действительности религиозным представлениям» [7]. Такое искажение вырастает не только из капиталистического промышленного производства и обмена, но вытекает также из отсталых доисторических форм жизни в изначально разделенных историей городе и деревне. Наиболее интересно производство фетишистского сознания в общинной форме деревенской жизни и в парцелльной форме крестьянского устройства. Что касается фермеров, то их можно приравнять к капиталистам и торговцам общества зрелого

капитализма как домополитического, так и монополистического. Современного человека капитализма можно приравнять к «верующей старушке» социализма – персонажу атеистической пропаганды и символу отсталости в сознании и поведении масс. Такие отсталые социальные персонажи вместе с хапугами, тунеядцами и алкоголиками назывались, в соответствии с марксистской традицией, «родимыми пятнами капитализма».

Парцеллы и общинное поселение как социальный феномен

Посмотрим на примере одной из наиболее знаменитых работ К. Маркса на то, как в истории происходит детерминация процесса овеществления общественных отношений и олицетворения вещи, имени, персоны. Это позволит нам найти пути и возможности преодоления иллюзорного сознания и перехода к более совершенным формам жизни. Эти формы смогут интегрировать город и деревню до уровня цифрового агрогорода с андропедиафункциями, то есть с функциями воспитания нового человека-коллективиста. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс показывает уровни социальной детерминации авторитарного фетишизма личности «племянника», ставшего выразителем интересов самого многочисленного класса французского общества — крестьянства. К. Маркс показывает экономическое, социальное положение крестьянства в середине XIX в. (в отличие от начала века), его идеологические иллюзии, порожденные историческими традициями. «Историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага» [8].

Речь идет о парцельном индивидуализированном крестьянстве старого до капиталистического общества. Каким же образом французская нация оказалась обещана за несколько дней проходившем, ликвидировавшим

господство буржуазии и вознесенным армейскими штыками на волну устремлений крестьянства? К. Маркс отвечает указанием на то, что династия Наполеона была представительницей не революционного, но консервативного крестьянина, который «тупо замыкается» в старый порядок и «ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его parcelлу и дал ему привилегированное положение»[9]. «Наполеоновская» форма собственности, бывшая в начале XIX в. условием освобождения и расцвета сельского населения Франции, в середине века привела его к рабству и нищете. К. Маркс показывает, что в целом французское крестьянство представляет собой класс (миллионы семей живут в особых экономических условиях) и не представляет собой класс (поскольку между parcelльными хозяйствами существует лишь местная связь, тождество их интересов не создает никакой общности, никакой политической организации). Крестьяне не могут представлять себя во внешнем мире и неспособны защищать собственные интересы от собственного имени, их должны представлять другие. «Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет» [10].

Нарисованный К. Марксом двойной портрет французского крестьянства показывает экономическую и политическую организацию класса, или два уровня социальной детерминации его «навязчивой идеи» (иллюзии). К. Маркс пишет: «Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества» [11]. «Признак империи» сначала в сознании, а затем и на практике был продуктом борьбы классов, а также результатом деятельности самой буржуазии, для которой одинаково страшно и просвещение и невежество масс. К. Маркс пишет о буржуазии: «Она сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи, она усердно сохраняла

положение вещей, образующее ту почву, на которой вырастает эта крестьянская религия» [12]. Традиционное сознание крестьян, их светская религия создала предпосылки того, что несмотря на уроки 1848 г., «...они продали свою душу преисподней истории, история их поймала на слове, а большинство их еще было до такой степени сбито с толку, что как раз в самых красных департаментах крестьянское население открыто голосовало за Бонапарта» [13].

Иллюзорное сознание крестьян вырастает из бедности общественной связи, допускаемой парцеллой, поскольку в её, рамках невозможно никакое разделение труда, никакое разнообразие развития, а обмен происходит более в отношениях с природой, чем в сношениях с обществом. Марксов анализ 1852 г. показывает, как и каким образом, крестьяне (то есть социальные персонажи как продукты парцеллы) были вписаны всей своей жизнью в уровни детерминации их авторитарного и товарного фетишизма как вида деятельности. Включение в уровни осуществлялось через экономические интересы, политические потребности защиты и представительства, идеологические иллюзии — желания. К. Маркс пишет: «Местами крестьяне носились даже с нелепой мыслью поставить рядом с Наполеоном конвент (революционный конвент 1789 г. - С.Н.)» [14]. Общественные отношения собственности и зависимость от государства вызывали нужду в представителе, заместителе, который и явился в образе авантюриста с чужбины, поднятого на щит «пьяной солдатней, которую он купил водкой и колбасой». В идеологической области существовал конфликт опыта 1848 г. и католической идеологии с ее морализаторским обоснованием традиционных ценностей мелкой собственности и семейной жизни. Это перечисление не претендует на полноту, но оно показывает сложность уровней детерминации и механизмов включения в них людей, осуществляющих фетишизацию своих социальных связей и отношений.

Возможность третьего пути в организации социальной жизни

В последнее время на Западе и Востоке ссылаются на возможность третьего пути - ни городского, ни деревенского - в организации социальной жизни, приводя пример африканского общества, «где всегда всего достаточно, ибо никогда не бывает ничего в излишестве» [15]. К.М. Тернбул отмечал: «Несомненно, наша материальная культура богаче... живя в условиях товарной экономики, мы накапливаем непортящееся богатство легче, чем африканский земледелец... Но вспомните наши повседневные волнения, тот порочный круг, когда сегодняшние предметы роскоши через год становятся предметами первой необходимости, коварную потребность в постоянном «повышении» жизненного уровня, что создает новые проблемы и новые потребности. Можно ли сказать, что нам живется все лучше? Если положить на одну чашу весов все душевные тревоги и чувство неуверенности в будущем, а на другую — излишний материальный комфорт, то я ответил бы: нет. Всякий, кто ездил на пикник, знает, как легко можно отказаться от материальных удобств и какое облегчение чувствует человек от внезапного перехода к простой жизни. Не случайно же мы превратили пикники и кэмпинги в обязательный элемент нашей жизни» [16]. Но ведь возможны и такие вычурные формы отказа от комфорта, как жизнь миллионера, одетого в рубище, в хижине вместе с домашней птицей на крыше собственного небоскреба! Точно также от кэмпингов до не-потребительского пути развития пролегает непреодолимая дистанция. В примечании к пассажу Тернбула справедливо замечается: «Тернбул рисует картину жизни в современном «обществе потребления» и высокоразвитой капиталистической стране, жизни, характеризуемой именно порочным кругом приобретения и

потребления. Эта картина, однако, не относится ни к странам социализма, ни к огромному большинству развивающихся стран» [17].

Вместе с тем альтернативные системы ценностей в рамках западного общества ориентируют индивидов на уход из «порочного круга». Островки таких ценностей в наиболее радикальном виде сложились в самостоятельных общинах (районы совместного проживания — Христиания), в кооперативах типа фаланстеров (Твинд), в общинах людей с психическими и физическими недостатками (Видарсен). Последнее объединение представляет собой не просто контркультуру, как сказал бы Т. Роззак, ибо здесь организована защита от желающих помочь. Н. Кристи пишет по этому поводу: «Это контробщество, более радикальное, чем все, которые я знаю... Даже внутри нашего хорошо отрегулированного, весьма богатого Общества, обеспечивающего всякого рода услуги, есть контрсилы, сообщества антиклиентов, места, где неясно, кто дает, а кто получает... Будучи реакцией на доминирующие черты общества всеобщего благоденствия, эта форма жизни зависит от государства и в то же время обладает возможностями для его обновления» [18]. Значит ли это, что нет никакой надежды на взрыв институтов фетишизма буржуазного общества в его западном и восточном вариантах? Теоретики и авторы докладов Римского клуба активно ставят вопрос о преодолении системы искусственно навязанных капитализмом человечеству потребностей. По словам А. Печчеи, «мы прискорбно мало знаем о таких важных конкретных вещах, как взаимосвязь и взаимозависимость между здоровьем, питанием и образованием... об общей пригодности человека к тому образу жизни, который он сейчас ведет и, по-видимому, будет вести в будущем, особенно в урбанизированных комплексах; наконец, о том, можно ли в свете этого развить и улучшить природные способности человека, и если да, то каким образом. Незнание этих насущных проблем может быть чревато самыми

серьезными, непоправимыми последствиями для человека как личности и для общества в целом» [19].

На рубеже 80 гг. прошлого столетия реакцией на первые алармистские доклады Римского клуба явилось выдвижение на передний план в западной футурологии течения «трансформистов». Оно отрицало «ценности старой цивилизации», хотя и стремилось сохранить буржуазный общественный строй. Идейная платформа течения, как показывал И.В. Бестужев-Лада, примерно такая: «Отказ от всякого рода «псевдопотребностей», начиная с вооружений и кончая наркотиками, в том числе алкоголем и никотином, а также предметами роскоши и безделушками, которые навязываются рекламой. Свертывание отраслей промышленности, работающих на «псевдопотребности», т. е., по мысли авторов, львиной доли всей индустрии. Повсеместный переход к умеренному рациональному питанию, с отказом от всякого рода излишеств» [20]. Однако это течение не выдержало испытания временем и распалось на движение фриганов и веганов.

Город-сад: старый и новый проект

В проекте и реализации заложены два исключаящих друг друга смысла: проект ведет к социализму, а реализация к капитализму. Во втором смысле он конвертируется в цифровой агрогород. Л.А. Велихов в первой трети прошлого столетия прозорливо писал: «термин, выдвинутый Хоуардом, имеет двоякое значение: неточное, т.е. “город-сад” в широком смысле, и точное, т.е. “город-сад” в узком смысле, а именно “город-деревня”. В первом смысле городами-садами теперь часто совсем неправильно называют обыкновенные города с преобладанием мелкого строительства (т.е. с домами не выше двух этажей) и обилием зеленых насаждений». И далее «“город-сад”, задуманный Хоуардом

и отчасти фактически осуществленный в Англии, соответствует в большей степени социалистической, чем капиталистической, системе. Во-первых, в нем явно выражен синтез, т.е. полное слияние города и деревни, так как ликвидировано соответствующее грубое разделение труда: жители такого поселения заняты как сельским хозяйством, так и обрабатывающей промышленностью, и, по мысли Хоуарда, их продукция должна обеспечивать главнейшие потребности нового населенного пункта. Противоположность между городом и деревней таким образом исчезает. Правда, среди социалистов вопрос о возможности уничтожить эту противоположность остается спорным, и, например, Герц утверждает, что “великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, не могут быть уничтожены, так как без них невозможен прогресс”. Однако В.И. Ленин категорически высказывался в том смысле, что в социалистическую программу необходимо входит уничтожение противоположности между городом и деревней, так как: а) необходимо сделать сокровища науки и искусства доступными всему народу и ликвидировать отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, т.е. “идиотизм” деревенской жизни, б) необходимо ликвидировать такое положение, когда люди задыхаются в собственном навозе и бегут за город в поисках свежего воздуха и чистой воды, и в) рациональная утилизация городских нечистот и человеческих экскрементов тоже требует всемерного приближения города к деревне. Наконец, нельзя сомневаться, что “существование двух типов поселений с различным бытом, обстановкой жизни и противоположными в некоторых отношениях экономическими интересами едва ли легко допускает проведение социалистического равенства и гармонии”»[21].

Можно сделать вывод, что город-сад талантливому гуманисту Хоуарда - это чисто революционный и социалистический проект, который разрешает коренной вопрос о земельной собственности и связанных с ней земельных спекуляциях, ренте и дороговизны жилищ в городе, в конечном счете, уничтожается право частной собственности на землю. И город-сад

предусматривает рациональное планирование жизни поселений и в корне разрушает стихийный характер их расползания и расширения. Однако такое развитие требует выращивания ячеек социализма внутри капитализма, то есть требует капитализма. Более того, агрогород в его цифровом варианте легко вписывается в капиталистическое производство и частную собственность, при этом не нуждается в крупных монополиях и массовом производстве.

В раннем СССР левацкие перегибы в понимании построения социализма, движение в направлении абсолютной коллективизации привели к так называемым возражениям против городов-садов: «С другой стороны, в СССР много возражений против “городов-садов” раздавалось по партийной линии. Указывали, что, при современном росте человечества, поселения с большой площадью зеленых насаждений и с мелким строительством не могли бы вместить наличный контингент людей на земном шаре и что общественное разделение труда, ликвидируемое городами-садами, тесно связано с самой географией ископаемого мира. Кроме того, указывалось, что индивидуальный уют, создаваемый одноэтажными или двухэтажными коттеджами, как рекомендуемым типом жилища в городе-саде, не соответствует идеям коллективизма и, в частности, не допускает свободы женщин от пут, налагаемых на нее частным потребительским хозяйством. Коттеджи города-сада приспособлены будто бы только для семьи, которая будет разлагаться при социалистическом строе. Наконец, возражали еще и ссылкой на недостаточную экономичность мелкой застройки сравнительно с крупной» [22].

Первоначальный план Хоуарда уникален и актуален для наших дней, поскольку в России мы оказались в капиталистическом окружении. Л.А. Велихов пишет: «План Эбенизера Хоуарда вкратце заключается в следующем. В здоровой, сухой сельской местности по линии железной дороги организаторами, занимающими видное общественное положение и пользующимися безукоризненной репутацией, приобретает посредством

низкопроцентных ипотечных займов участок земли... Вокруг центрального парка (за исключением мест пересечения бульваров) расположена широкая стеклянная аркада – “хрустальный дворец” – убежище горожан в дождливую погоду, а также местоположение лучших магазинов и зимнего сада... Жилые дома (одноэтажные или двухэтажные коттеджи) расположены как на радиальных, так и на концентрических бульварах.

На внешнем поясе города находятся фабрики, товарные склады, лесные дворы и проч. Все они обращены фронтом к железной дороге, опоясывающей весь город, и соединены ветками с главной железнодорожной линией, прорезывающей имение... В общем весь город опоясывается широким зеленым поясом насажденных лесов, лугов и полей, которые являются как бы защитой города-сада от наступления на него нездоровых и безобразных, стихийно расплзающихся во все стороны построек. Когда в городе-саде появляется избыток населения, то на известном расстоянии от него возникает новый центр и вокруг него новая аналогичная система. Общую свою цель Хоуард видит “в поднятии уровня здоровья и благосостояния всех тружеников посредством естественного и производительного (экономического) сочетания городской и сельской жизни на земле, принадлежащей самостоятельной городской общине”» [23]. Последняя фраза повторяет формулировку основного закона социализма из первой конституции РСФСР. Прошло 100 лет с начала первого опыта социалистического строительства и преобразования сельского хозяйства. Преодоление левацких загибов проходило на протяжении 30 гг., однако, было не доведено до конца по причине уничтожения социализма.

Накопленный исторический опыт и потребности современной России в ускоренном модернизационном развитии позволяет представить агрогород как остров целого архипелага нового индустриализма. В этом острове будет формироваться новая социальная структура. Сейчас многое пишут о некоем «глубинном народе». Говорят об инвариантном народе по отношению к

долгому верхнему государству. Советская политическая система и сплавленная с ней социальная структура однородного неантагонистического социалистического общества выглядела так: 2+2+ЛПХ. Два класса (рабочий класс и крестьянство) плюс две социальные группы-прослойки (интеллигенция и служащие) плюс «Личное подсобное хозяйство». Здесь нет олигархов и пауперов-нищобродов, коррумпированных политиков и наемных политактивистов, нет бандитов и питающихся просрочкой с помойки стариков и молодых многодетников, буржуазных националистов и левацких фашистов, евроскептиков и евроатлантистов и много всяких социальных отходов конца истории. В позднем буржуазном общества формируется социальная структура распадающейся римской империи: нобили (олигархи и федеральные депутаты), патриции (городская знать и депутаты), плебеи (горожане и селяне как электорат), охлос (люмпен-пролетариат, криминалитет). Это свидетельствует о том, что поздний капитализм повторяет пороки и изъяны позднего рабовладения Римской империи. Как известно, она погибла не от революции рабов, которой не было и не могло быть. Империя погибла от экономической неэффективности труда колонов, которые превратились в зависимых крестьян с парцельным землепользованием. Естественно, человечество стало искать возможности некапиталистического развития, уходя от прудонистских утопий рабочих денег и рабочих базаров.

Первая в истории коллективизация сельского хозяйства в марксистской науке была названа социалистической революцией в деревне, а фактически она оказалась вторым изданием крепостного права в России, потому что троцкистские идеологи коллективизации были оторваны от русской деревни, не знали ни истории, ни традиций, ни нужд, ни психологии русского крестьянства. В двадцатые годы были изданы книги русского экономиста А. В. Чаянова о кооперации сельского хозяйства. Труды ученого не соответствовали интересам правящего политического клана. Книги его нашли противоречащими духу и букве марксизма, ибо автор допускал существование личного хозяйства у крестьян – кооператоров и настаивал на самоуправлении

кооперативных хозяйств. Судьба автора и его книг оказались трагичными. А вместе с тем трагической оказалась и судьба русской деревни. [24]

Нарком земледелия Я. А. Яковлев не знал русской деревни, но хорошо был знаком с положительным опытом кибуцов – сельскохозяйственных кооперативов, которые создавались еврейскими переселенцами в Палестине на покупавшихся для них землях. Раньше они жили в местечках, занимались ремеслом и торговлей, не имели приусадебного хозяйства и считали нормальным его отсутствие в кибуцах. Сионисты создавали в Палестине кооперативы (кибуцы) «коммунистического типа с полным запретом собственности и даже семейного питания (с кибуцев в 1929 г. была «срисована» модель колхозов, которая привела к катастрофе на первом этапе коллективизации)»[24]. Троцкистско-марксистские методы кооперирования сельского хозяйства сохранялись и после того, как троцкизм формально был разгромлен. В середине 1950 гг. Н.С. Хрущев, следуя марксистским догмам, нанес второй удар по приусадебным хозяйствам колхозов. Затем по проектам академиков и в угоду догмам, началась кампания по сносу «неперспективных» деревень. Следует ли после этого удивляться тому, что сельское хозяйство России, в начале XX в. кормившее половину Европы, в конце века оказалось неспособным накормить население своей страны? Сегодня наука и жизнь ставят вопрос о новом векторе развития сельского хозяйства и российского социума. Это становится тем более актуальным, что научное общественное и традиционная западная социология более столетия подвергают критике большие города и образ жизни людей в них: в широком диапазоне от книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» до очерка Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» и труда М. Вебера «Город» [25]. Однако страх перед историческими инициативами и антикоммунистическая предвзятость заставляют современных социальных ученых опасаться больших социальных экспериментов. Наука продолжает поминать «недобрую старую Англию» как родину классического капитализма и бессильно замирать от

непонимания героического подвига наших предков-созидателей нового справедливого общества [26].

Список литературы

1. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 10
2. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 213
3. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 213-214
4. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 205
5. См.: Лукач Д. Своеобразие эстетического. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 317
6. Лукач Д. Своеобразие эстетического. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 316
7. Лукач Д. Своеобразие эстетического. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 316
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 208.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 209.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 208.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 208
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 209.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 209.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 210.

15. Тернбул К. М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981. С. 8.
16. Тернбул К. М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981 С. 7.
17. Тернбул К. М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981 С. 242.
18. Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985. С. 87.
19. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. С. 298.
20. Бестужев-Лада И. В. Век прогнозов // Будущее в настоящем. М., 1984. С 42
21. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 206
22. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 208
23. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. часть 1. М., Л.: Государственное издательство. 1928. с. 210-211
24. Кара-Мурза С. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: Алгоритм, 2001. С. 40 – 41. Милосердов В.В. Крестьянство России в глобальном мире. Екатеринбург: изд. УрГСХА, 2009.
25. Маркс К., Энгельс Ф. изд. 2. т. 2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3-4, 2002. Вебер М. Избранное. Образ общества. Серия «Лики культуры». М.: Юрист, 1994.
26. Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб: БХВ-Петербург, 2017. Дюран Д. коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб: Издание Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2010